

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

СУДЬБА

АКТЕРА

нов проклятие отца. Тогда и остался в голодные годы один на один с настоящим и будущим. Тогда и сказал себе упорно: — Только вперед. Отступать некуда.

А со стороны даже для самых близких друзей оставался он все тем же веселым, беззаботным Аркашей, готовым и на невинную шутку, и на задумчивую песню. Только через год, побывав в училище, встретившись с педагогами, снял отец с сына свое проклятие, но недоверие к выбранной им стезе сохранил надолго.

Время требовало от театра новой глубины проникновения в образ, жизненной разносторонности, богатства артистической палитры, более тонкой аранжировки характера. Театр становился еще более человеческим, его демократизм шел от самой жизни. Учась на юридическом факультете, впервые услышал Тишин, что нет в жизни людей, которых можно было бы рисовать одной черной или одной белой краской. Самые положительные герои непременно имеют какие-то свои слабости, и в самом черном преступнике обязательно можно отыскать хоть искру человеческого. Распознать в

ние сделать этот, казалось бы, водевильный образ многогранным и не таким уж простым. При всем внешнем безрассудстве была в Курочкине Тишина неуемная способность воспринимать хорошее, растить в душе и донести до зрителя мажорное настроение, ненавязчиво сочетать в себе, казалось бы, противоречивые, а в общем-то органичные человеческие черты. Были после того роли значительные и важные как для самого Тишина, так и для театра: неожиданный потаенным нутром подлеца благовоспитанный и благопристойный карьерист Полудин в «Персональном деле», обезоруживающий мудрой наивностью Аким во «Власти тьмы» Л. Толстого, обреченный на поражение смешной и жалкий Чернота в «Беге» Булгакова, вкрадчивый и жестокий царь Николай I из пьесы о декабристах «Через сто лет в березовой роще» Коростылева. Но вершиной сделанного за последние годы стал для Аркадия Петровича скромный музыкант Сарафанов в «Старшем сыне» А. Вампилова.

Бывают роли, которые не просто точно ложатся на природу исполнителя, а с каждым новым спектаклем как бы растут вместе с ним. Такой дорогой находкой стал для Тишина Сарафанов. Удивительная способность этого образа к трансформации говорит прежде всего о недюжинном таланте драматурга дающего в строгих рамках характера большую свободу исполнителю. И в то же время человек с пустой душой не внесет в эту роль ничего нового. Тишину посчастливилось работать с Вампиловым, и до сих пор помнит он его советы.

— Аркадий Петрович, прошу вас весь этот диалог нацелить на изучение, разгадывание, узнавание, — просил драматург. — Обратите внимание на внутреннее состояние Сарафанова, ему ведь непросто сжиться с новостью, что явился вдруг не известный ему... сын.

Скоро театр отпразднует трехсотый спектакль «Старшего сына». И почти в каждом выходе на сцену в роли Сарафанова Тишин.

В разные дни актер мог играть его по-разному, с большим или меньшим наполнением, но всегда живо было трепетное чувство, что благодаря тебе существует другой, очень близкий и понятный тебе человек.

Он может говорить о нем долго, каждый раз открывая новые грани характера. В одном убежден твердо и навсегда: Сарафанов — не «маленький человек», чья личность, якобы, не состоялась, как иногда считают. Он талантливый большим даром доброты, веры в людей, светлых душевных качеств. Он по-человечески страдает, что не вышел из него большой, настоящий музыкант. Может, не хватило упорства, а скорей всего, не той силы талант. После долгих лет совестно ему признаться в этом перед людьми и собой, он хитрит немножко. Но все окупается тем огромным душевным даром, который, наверное, и является главной ценностью на земле.

Сегодня, играя Сарафанова, Тишин помнит об этом, а завтра на него вдруг навалится все отцовские заботы Сарафанова — один вырастил хороших ребят, трудно ему было, а справился... Что ни день, то находит он новую «добавку» к образу, новую, пусть маленькую черточку того большого, чье имя — Правда. И эта наполненность событиями, мыслями, интонациями делает для него, а за ним — и для зрителя каждый спектакль свежим и неповторимым.

Есть образы в классической драматургии, к которым он всегда готов переключить мостик от такого вот Сарафанова, хотя, разберись поглубже, ничего общего между ними нет. Есть нечто большее, чем внешне приметы и даже чер-

ты характера, — качество правды, уровень художественного анализа, возможность проникновения в человеческое нутро персонажа. Таким типом в последнее время стал для него Расплюев из «Свадьбы Кречинского» Сухово-Кобылина. Само назначение на эту роль оказалось источником большой творческой радости. Как повелось у него смолоду, готовясь к роли, много перечитал и об авторе, и о пьесе, и о персонаже, и обо всех спектаклях, сыгранных на Руси. Первое, что ощутил он, народный артист РСФСР, — робость перед тем списком корифеев, которые выступали на русской сцене в этой роли. Захотелось найти в Расплюеве хоть какую-то человеческую черточку, чтобы, зацепившись за нее, можно было не просто показать социальную суть этого «общественного продукта», а раскрыть душу человека, чья судьба не состоялась. Для Расплюева мир делится на две половины, и обе из жуликов, ловких и неловких. Не щадя живота своего, проходит Расплюев трудную школу у «ловкого» жулика Кречинского. И все-таки, в отличие от Кречинского, остались в его душе некоторые «воспоминания человеческого». Даже когда он арет, Расплюев расчитывает на человеческое в людях — он находит в своей фантазии образы, которые могут подкупить, расслабить, усыпить человеческую душу: сам поверив в свой вымысел, лепечет «о гнезде, куда пищу носить». Великое лицедейство Расплюева-Тишина, его постоянное «обезьяничание» и есть стимул, развивающий характер, раскрывающий его суть. В этом, наверное, заключается секрет большой театральности, психологической живописности, отличающих этот образ в спектакле иркутского театра.

Говорят, человек поживает то, что сам погосел. Труд, мысль, трепетные ощущения жизни, вложенные артистом в характер, окупались сторицей. Эту работу по праву можно считать новой творческой вершиной А. П. Тишина. С нее, этой вершины, конечно же, видятся ему новые дали, но о них он предпочитает умалчивать, ибо все покажет работа. От крестьянской юности, пожалуй, сохранил Аркадий Петрович глазную черту натуры — жажду работать. И не только над новой ролью в спектакле. Коммунист с двадцатилетним стажем, он семь лет был секретарем парторганизации театра, дважды — членом горкома партии, председателем месткома. Не раз возглавлял творческие поездки по области, не раз ездил один в соседние и дальние села, на заводы, шахты и фабрики. И сейчас самостоятельно готовит программу стихов Расула Гамзатова, чтобы выступить с нею на строительстве Байкало-Амурской магистрали.

ПАМЯТНЫМИ ДО СИХ ПОР остались для него гастроли театра в Саратовскую область, поездка со спектаклем «Старший сын» в район, где он вырос, встреча с земляками из родной деревни. Тогда живы были еще родители, сельский клуб битком набит — и почти каждый из зрителей — родственник, или товарищ по школе, или член их семей.

Давно уже реабилитировано им в глазах односельчан бранное прежде слово «артист». И встреча с народным артистом республики вылилась в большой вечер человеческих воспоминаний, где каждому было что поведать. А когда на сцену вышел Сарафанов, примолк зрительный зал, сосредоточился, призадумался. Вместе с ним вышло на сцену Искусство.

И. ДУБОВЦЕВА.

НА СНИМКАХ: народный артист РСФСР А. П. Тишин в ролях Расплюева («Свадьба Кречинского») и Сарафанова («Старший сын»).

Фото В. Калаева.

ТАК СЛУЧИЛОСЬ, что на своей родине, в селе Липовка Саратовской области, Аркадий Петрович Тишин побывал почти сорок лет спустя после того, как оттуда уехал. Ушел своей дорогой — неведомой и непонятной родным и друзьям, ушел, проклятый отцом и оплакиваемый матерью. В тридцатые голодные годы подался Аркадий в самую невыгодную, несытую должность — в актеры. Быть может, только теперь, как бы со стороны вспоминая того упрямого юного паренька, Тишин осознал весь драматизм события, всю глубину разрыва. Как могло случиться, что сын сельского почтового работника и неграмотной крестьянки вдруг решил искать свое призвание на театральной сцене? Учась в школе, он и театра никакого не видел, да и в кино ходил редко. И если уж было у него призвание с детства, то тайлось оно до поры до времени где-то глубоко в душе, выплескиваясь наружу непонятными окружающим и ему самому проявлениями.

Было ему лет одиннадцать, когда отправился однажды с мальчишками на рыбалку за много верст от своей деревни. Рыба шла на удивление, дни стояли прекрасные, на свежем воздухе не заметили, как уничтожили они все свои хлебные запасы. Тогда и предложил вдруг Аркаша:

— А давайте, я нищим прикинусь. С сумой пойду!

Не было для него в этом ни постыдного обмана, ни наказуемого преступления. Ребята и хихикали перестали, когда увидели, как преобразился он в одночасье, едва вывернул наизнанку, невзрачной стороной кверху свою цветастую ситцевую сумку и сделал несчастное выражение лица.

За это-то «притворство» не раз наказывали его родители,

а кто мог им объяснить законы, по которым осеняет ребенка творческая фантазия?

Только голос — красивый сильный тенор, далеко слышимый по деревне, признавал за ним отца, да и то, если надо было прихвастнуть в застойной компании:

— А ну, Аркашка, спой!

И подвернулось, было, счастье: услышал голос Аркадия случайный отдыхающий — педагог Московской консерватории. Взволнованный, пришел он прямо к Петру Тишину:

— Вашему сыну надо учиться, он может жить у меня, я возьму на себя все заботы.

Но суровый, замкнутый отец отрезал грубо:

— Ишь чего? В артисты, чтоб всю жизнь по шпалам пешедрамом?

Едва окончил семилетку, как избрали его комсомольцем совхоза своим вожаком. То-то было впечатлений — и на севе, и на уборке, и на ночном току. Немало спето вместе лихих комсомольских песен, выдержано споров о том новом, что несли радио, газеты, кино. И вот ячейка свеклосовхоза направляет его учиться на рабфак юридического факультета. Настойчивая погоня за знаниями, жадное участие во всем, что касалось художественного творчества и впервые во всей силе вспыхнувшая любовь к театру. Саратовская драма блистала тогда такими именами: Слонов, Муратов, Карганов. Благодаря им он познакомился с пьесами Островского, Горького, Шекспира, представленными во всем блеске русского реалистического театра.

Старшие ребята по рабфаку помогли подготовиться к экзамену в театральное училище — его приняли вне конкурса. Тогда и получил он памя-

захудалом негодяе одну такую искорку — значит, уже сделать доброе дело: пожалеть о несостоявшейся, загубленной судьбе, раздуть огонек надежды, а то и поселить веру в человеческое возрождение.

Этим чудом и интересен, и дорог ему театр. Это обстоятельство оправдывает ту, порой мучительную душевным поиском, пристрастным аналитическим исследованием работу, какую ведет Тишин, прежде чем создать всего один — большой или малый — сценический образ.

В ИРКУТСК АРКАДИЙ ПЕТРОВИЧ приехал уже после войны, завлеченный заманчивой историей города, славой театрального зрителя, интересной труппой и режиссурой. За четверть века, прошедшие с тех пор, он ни разу не пожалел об этом решении. Положение молодого артиста с десятилетним стажем за плечами позволяло смело бросаться в плавание, искать себя, а хорошая драматургия и талантливые режиссеры представляли для этого большие возможности.

В те первые годы сыграны были многие роли: секретарь райкома в «Счастье» Павленко, молодой шахтер в «Макаре Дубраве» Корнейчука, разбитый буфетчик в «Иване Рыбакове» Гусева, избалованный Милорд в «Докторе философии» Нушина. Надолго полюблился зрителям Курочкин из «Свадьбы с приданным» Дьяконова. Привлек этот образ и исполнителя — словно вернулся он в родной свеклосовхоз на Саратовщине, к молодым своим годам, к веселым друзьям-товарищам. Успех Курочкина-Тишина обеспечивали не только большие обязанности артиста, его легкий и общительный нрав, но и уме-